

Когда Ланс обмолвился, что ему нужно засесть за домашку, у группы как раз выдались двухдневные каникулы — в клубе затеяли ремонт.

Все собрались в тесной съемной конуре Болдуина. Рассевшись прямо на полу, парни шумно обсуждали недавнее выступление и со смехом вспоминали клубные курьезы.

Однако весь этот веселый гвалт мгновенно стих, стоило Лансу между делом бросить фразу про уроки.

Джеймс почувствовал лишь легкий трепет перед самым словом «домашка» — до него не сразу дошло, что вообще кроется за этим понятием.

А вот Болдуин среагировал мгновенно.

Он так резко крутанул головой, что за его шею стало страшно. Округлив от изумления глаза, он выпалил:

— Ты что, еще учишься?!

Ланс невозмутимо подтвердил его догадку.

Он лениво держал сигарету двумя пальцами и неторопливо пускал ровные колечки дыма. Вид у него был такой спокойный, словно он просто сообщил, что собирается съесть на ужин сэндвич.

В комнате повисла гробовая тишина.

Дальнейшее напоминало сцену из какого-то фарса.

Болдуин вдруг вскочил и без лишних слов заехал Лансу кулаком в лицо!

Тот явно не ожидал нападения и навзничь повалился на пол.

Но Болдуин не унимался. С яростным рыком он бросился на него сверху.

Ланс, который отродясь не спускал обид, тут же принялся отбиваться.

Правда, перевес явно был на стороне Болдуина.

Никогда не стоит недооценивать боевую мощь барабанщика, даже если внешне он вылитый Иисус, сошедший на землю в сиянии нимба. Болдуин молотил соперника с потрясающим

чувством ритма — бум-бум-бах, бум-бум-бах, бум-бум-бум-бах!

Звучит, конечно, дико, но выглядело это чертовски эффектно.

Ланс, впрочем, тоже не думал сдаваться. Он отчаянно отбивался, кусался и брыкался. Они катались по полу, яростно пиная друг друга, и пыль летела столбом.

Джеймс и Тео так и застыли с разинутыми ртами.

Лишь когда до них дошло, что происходит, они бросились разнимать драчунов. Схватив каждый по бойцу, они принялись тащить их в разные стороны, словно репку из грядки. Пришлось изрядно попотеть, прежде чем этих разъяренных дикарей удалось растащить по углам.

Джеймс пребывал в полном недоумении. Пытаясь удержать брыкающегося Ланса, он без умолку расспрашивал:

— Да что случилось-то? Что произошло?! Какого черта?!

Обычно добродушный Болдуин сейчас исходил пеной:

— Твою мать, лжец! Ланс Уинфилд, ты гребаный лжец!

Красивое лицо Ланса исказилось от ярости. Позабыв о всяких манерах, он взвизгнул:

— Болдуин Барлоу, ты совсем страх потерял, ублюдок?!

В комнате царил полнейший хаос.

Это был первый раскол с момента основания группы.

И ведь надо же — сцепились именно те, от кого меньше всего ожидали: добродушный старший товарищ Болдуин Барлоу и неизменно вежливый, утонченный отличник Ланс Уинфилд. Поразительно!

Джеймсу на миг показалось, что он спит наяву.

Тем временем драка перетекла во второй раунд — словесный поединок.

В искусстве ругаться Болдуин явно уступал. От злости он начал заикаться и под шквалом

изошренных оскорблений Ланса, кричавшего как заправская истеричка, мог лишь беспомощно твердить:

— Лжец... лжец... л-лжец!

Джеймс слушал Ланса и поражался.

Все-таки хорошее образование — великая вещь. Даже матерился этот парень с невероятной изобретательностью, так и сыпал метафорами: то обзовет голову Болдуина «пустой, как высушенная бутылка из-под пива», то «сухую, как крошки от галет».

«Эх, была бы сейчас под рукой камера. Я бы заснял это шоу от начала до конца и показал школьным учителям. Полюбуйтесь, мол, на вашего любимого отличника!»

Высказав все, что думает, Ланс с грохотом захлопнул за собой дверь и ушел.

Болдуин, выглядевший побежденным, тяжело опустился на пол и принялся прямо из горлышка глушить пиво.

В комнате повисла неловкая тишина.

Джеймс до сих пор не понимал, в чем суть претензий, но расспрашивать не решался.

Спустя какое-то время Болдуин немного остыл. Он хмуро посмотрел на парней и глухо спросил:

— Ну и что теперь делать? Расходимся по домам или попробуем выплыть?

Джеймс едва не поперхнулся.

«Что за чертовщина?! При чем тут роспуск группы?»

Ему показалось, будто он случайно пропустил серий сто в сериале и сразу включил финальный эпизод.

Впрочем, Болдуин тут же все прояснил. Он тяжело вздохнул и спросил:

— Парень, ты хоть раз слышал, чтобы кто-то умудрялся и в школе нормально учиться, и в рок-группе играть, не завалив ни то, ни другое?

В голове Джеймса будто молния сверкнула — пазл наконец сложился.

Если этот паршивец Ланс так дорожит своей учебой, на кой черт он вообще ввязался в создание группы? Просто развлекается?

Если посмотреть со стороны, Ланс устроился неплохо — расчетливо и даже эгоистично. Совмещает хобби и учебу, и развлечься успевает, и будущее себе не портит.

Но как быть остальным?

О самом Джеймсе и говорить нечего. В школе он умудрился завалить абсолютно все предметы. Он не то что написать ответы в тесте — он даже вопросы прочитать не мог.

«Какая вообще разница между этими чертовыми буквами «d» и «b», или «q» и «p»?»

Естественно, об учебе для него не могло быть и речи. То, что школа вообще соизволила выдать ему аттестат, подтверждающий, что он хотя бы числился в британской системе образования, уже было актом величайшего милосердия.

У Тео дела обстояли не лучше.

Правда, в отличие от Джеймса, он не был глупым — просто ненавидел школу всей душой. От одной мысли о книгах его, по собственному признанию, буквально тошнило. Если бы не музыка, он бы наверняка сейчас околачивался на улицах в банде мелких хулиганов.

И, наконец, Болдуин.

Он был самым неисправимым идеалистом из всех. Как-то за выпивкой он обмолвился, что еще в пятнадцать лет сбежал из дома наперекор родителям. С тех пор он скитался по разным захолустным группам, отчаянно цепляясь за любой шанс заявить о себе.

Никто из них не говорил об этом вслух, но они ставили на эту группу всё.

Для них это была не просто интрижка на пару вечеров, а единственный билет в жизнь. Они вкалывали до седьмого пота, прекрасно понимая: если ничего не выгорит, им останется разве что идти разгружать вагоны на станцию.

Кроме музыки у них не было ничего. Никаких путей к отступлению — только вперед.

Джеймсу и Тео в этом плане было чуточку проще.

Джеймс вообще не до конца понимал, как его занесло на сцену, а Тео просто изнывал от скуки, пока Болдуин не затащил его в группу.

Но Болдуин...

Он горел этой мечтой. Один раз он уже почти дотянулся до нее, но тогдашний вокалист сторчался и умер от передоза, в один миг швырнув Болдуина из рая прямиком в ад. После этого он полгода придирчиво искал новый проект, но по глупости доверился Лансу. В итоге он ввязался в авантюру с зеленой, нищей группой без связей и опыта, вложил в нее всю душу, месяцами шлифовал звучание — и вот, когда на горизонте забрезжил первый успех...

Тот, кто заварил всю эту кашу, заявляет, что ему пора делать уроки.

Какая же херня!

— Мне уже, мать его, двадцать пять лет! Десять лет коту под хвост! Сколько еще десятилетий я смогу так просрать?!

Болдуин разрыдался прямо на полу. Слезы катились по его густой бороде. Выглядел он жалко и одновременно комично.

Джеймс сочувственно вздохнул и опустил голову, силясь изобразить на лице понимание.

Однако Тео умудрился выдать:

— Погоди, тебе всего двадцать пять? А я думал, под сорокет уже!

Твою же мать! Этот придурок вечно режет правду-матку там, где надо молчать!

Разумеется, разъяренный барабанщик тут же вскочил и парой точных ударов выставил его за дверь.

Джеймс и сам бы с радостью сбежал вслед за Тео, лишь бы не оставаться в этой неловкой обстановке, но Болдуин намертво вцепился в него и заставил пить.

Пришлось остаться и молча делить с товарищем его горькую бутылку.

И дело тут вовсе не в предрассудках. Будь на его месте миловидная девчонка, заливающаяся слезами, Джеймс с удовольствием проявил бы британское джентльменство, прижал бы ее к себе и утешил. Но когда у тебя на рукаве виснет волосатый, бородатый детина с горой мышц, который дерется как черт, то при всей искренности его горя безумно хочется просто отвесить

ему пинка и свалить.

Словом, Болдуин был безутешен.

Уже ночью, валяясь на полу, он пьяно бубнил под нос о том, как Ланс его обвел вокруг пальца. Обещал, мол, горы золотые, совместный бизнес, контракт со звукозаписывающим лейблом... Кругом один обман! Затем он принялся вслух бичевать себя за наивность:

«Ну как можно быть таким идиотом? Повелся на смазливую мордашку! Каким надо быть кретином, чтобы поверить человеку просто потому, что он красивый?»

Джеймс лениво потягивал теплое пиво, делая для себя мысленную пометку: старина Болдуин, похоже, просто законченный эстет, западающий на внешность.

Он обреченно закатил глаза к потолку.

«Понимаю, дружище, молчи лучше. Сам виноват. Тебя ведь звали в кучу нормальных групп, так нет же — ковырялся, выбирал, пока не наткнулся на парня с самым стервозным характером и ангельским лицом, который привык вертеть людьми, как хочет. Теперь-то на кого пенять?»

— Послушай, Старина Бао, Ланса тут все равно нет... — попытался сменить тему Джеймс, которому этот скулеж уже порядком надоел.

— Заткнись! Не смей его защищать! — взвился Болдуин.

— Да не собираюсь я его защищать. Я про то, что Ланс сейчас...

— Молчи! Не произноси его имя!

— Да послушай ты, Ланс...

— Замолчи! Замолчи! Замолчи!

— Да хватит уже! Дай сказать!

Не выдержав, Джеймс рявкнул во всю глотку:

— Я не собираюсь его оправдывать! И выгораживать не собираюсь! Я о том, что раз его сегодня здесь нет, какого хрена ты валяешься на полу, а не спишь на собственной кровати?!

В комнате снова воцарилась тишина.

Болдуин замер с зажатой в руке бутылкой. В тусклом свете лампы несколько капель пива сорвались с горлышка и затерялись в его бороде.

Он тупо таращился на Джеймса добрых полминуты, после чего тихо выдавил:

—... Привык уже.

Да уж, Ланс действительно умел ломать людей под себя.

В этот момент Джеймсу стало искренне, до глубины души жаль своего громилы-барабанщика.

<http://bllate.org/book/19389/1960747>